

ТЕАТР

Российская газета
1992 - 30 окт. 97

Отомар КРЕЙЧА:

Я НАЧИНАЮ ВСЕ СНАЧАЛА ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ

Участником I Международного театрального фестиваля имени А. П. Чехова был всемирно известный режиссер с драматичной судьбой.

3 сентября 1968 года молодой, но уже всемирно знаменитый пражский театр «За браноу» должен был начинать сезон спектаклем «Три сестры». А 21 августа вся жизнь Чехословакии резко перевернулась.

В те дни основателю и главному режиссеру «За браноу» многие говорили: «Ты не должен сейчас показывать русскую пьесу. Это измена». Но Отомар Крейча ничего общего у Чехова с Брежневым не находил, и сезон все-таки открылся «Тремя сестрами». Возле театра стояли советские танки, а на сцене так же, как в жизни, люди страдали оттого, что не сбылись надежды на светлую, настоящую жизнь. В зале плакали.

Театр прожил еще какое-то время и даже успел поставить две чеховские пьесы. Но летом 72-го был окончательно отстранен от участия в соцстроительстве. В последний вечер играли «Чайку».

Прекрасные актеры разбрелись по другим театрам и театрикам. Лауреат премии имени К. Готвальда, в 60-е годы — главреж и актер-премьер Национального театра Отомар Крейча оказался в полуопале, полуизгнании. Он не мог больше работать на родине, хотя его спектакли ждали в Швеции и Швейцарии, Бельгии и Италии. Во Франции он поставил их больше, чем какой-либо другой режиссер-иностранец. Но наутро после премьеры все равно возвращался в Прагу. Крейча не соглашался на долю эмигранта и ждал. Ждали и его актеры.

Когда ранней весной 1989-го мастер приезжал в Москву на симпозиум по творчеству Станиславского, возрождение театра было уже совсем близко. А в конце 90-го, на том же месте, в том же зале, где закрывали, опять был театр «За браноу». Но теперь с цифрой II. Начинали премьерой «Вишневого сада».

Не раз с тех пор делались попытки привезти спектакль в Россию. Но только сейчас, благодаря нашей Международной конфедерации театральных союзов, а также чешским деловым людям, удалось найти деньги на дорогу. «Вишневый сад» и Отомар Крейча приехали на I Международный фестиваль имени Чехова.

У искусствоведов, журналистов, студентов накопилось столько вопросов, что в придачу к пресс-конференции мастер согласился провести семинарское занятие. Речь шла не о политике — о Чехове: это куда интересней. Пять раз ставил Крейча «Вишневый сад» в разных странах, с разными актерами. Но близка ли зрителю Италии или Швеции судьба России начала века?

— И как говорить об этой судьбе?

— Когда после войны Чехов возвращался на советскую сцену, очень боялись не ошибиться с этим вопросом о судьбе и старались вложить в чеховских героев больше политики и социологии. Поэтому Лопахин старательно разрушал старый дворянский уклад, а Петя Трофимов выступал как пророк светлого будущего. Я далек от подобных трактовок. Великое произведение не может не отразить то время и ту ситуацию, когда оно создавалось, но зачем же все эти социальные схемы? Просто надо внимательно и серьезно читать текст и не забывать о таких вещах, как нравственность и порядочность. В том числе и по отношению к автору, произведение которого используешь. Конечно, будучи детьми своего времени, мы не можем не быть политичны. Но это получается само собой, если цель театра — сложный, живой, часто противоречивый челове-

ский характер, такой, каков он в пьесах Чехова.

— То есть максимальная объективность. Хотя бы и в ущерб оригинальности трактовок?

— Я бы не отказался сказать, что ставлю Чехова объективно. Ставлю так, как я его понимаю, и это не всех устраивает. Например, «Чайка» в «Комеди Франсез» шла два сезона при полном зале. Она нравилась зрителям, но не критикам. Один академик даже сказал мне: «Не забывайте у нас нашего Чехова». А этот «наш» Чехов, по французской традиции, сентиментален, как песня Ива Монтана, и очень экзотичен — с самоваром, фольклором. Но им кажется, что это и есть подлинный Чехов.

В Париже, в Праге, в Стокгольме — везде я добивался от актеров не только мастерства, но еще и души. Да, сегодня это звучит смешно, но если вы играете Чехова, необходимо полюбить своего героя и в нем раствориться. Только тогда Чехов останется Чеховым, останутся его мысль и чувство. Он был справедлив в том смысле, что говорил только то, о чем знал, и делал лучшее, что может сделать драматург, — задавал хорошие вопросы.

— На которые до сих пор ищут ответы. Сегодня вряд ли кто-то увидит в Антоне Павловиче буревестника социальных катаклизмов. Но есть немало других устоявшихся мнений, трактовок...

— С ними неохотно расстаются. Помню, как в Швеции, где очень большое значение придают воспитательной роли искусства, меня упрекали в том, что всех чеховских персонажей делаю хорошими, а этого быть не может. Но что же делать, если я действительно не считаю Наташу из «Трех сестер» чудовищем, которое все вокруг разрушает. О каком таком «все» идет речь? О Машинной любви? Но давайте-ка и с нею разберемся внимательно. А разве не права Наташа в своем желании отдать ребенку солнечную комнату? И почему вас не смущает то, что прекрасная, чудесная Ирина отпускает Тузенбаха на смерть? Знает, куда он идет, но отпускает. Нет, я не хочу морочить голову фальшивыми схемами и трактовками. Мне важен сам текст. Но полемика с устаревшей традицией — только первый шаг к Чехову. В этой полемике вы можете добиться и остроты, и современности, но непременно обедните великую пьесу. А тот, кто говорит, что докопался до истины и наконец-то все понял, или лжет, или заблуждается.

— Счастливики, видевшие много лет назад «Трех сестер» театра «За браноу», вспоминают, как много было там живого чувства, которое объединяло сцену с залом. В сегодняшнем спектакле меньше сердечного, больше рационального. Почему?

— Это очень разные, с точки зрения эмоций, пьесы. Не зря даже самым кондовым соцреалистам не удавалось разглядеть в «Трех сестрах» пророчество революции. И потому мы говорим о спектаклях двух эпох и двух театров. Молодежь 60-х очень отличается от нынешней. Я имею в виду и зрителей, и актеров. Нас прикрывали в тот счастливый момент, когда, имея девять спектаклей и огромный успех, мы собирались очень серьезно заняться актерским мастерством. Но наступила пауза в двадцать лет. Менялась жизнь, люди привыкли к шоу-бизнесу и подмене искусства имитацией. Двадцать лет — это целая эпоха. Теперь начинаем с нуля, и это даже более ощутимо, чем четверть века назад. Нулевая плоскость далеко не столь устойчива, как тогда.

Марина РУБАНЦЕВА.